

НУ Я ПОПАЛ...

В пятницу оперативка по итогам недели затянулась до самого вечера. Довести до начальства нашу точку зрения о том, что выполнить повышенные обязательства, взятые на себя руководством цеха, без капитального ремонта оборудования оказалось невозможным. Как разговор слепого с глухим. Мои попытки предложить замену изношенного «железа», стоящего на нашем участке, на более целое и современное вызвали глухое раздражение начальника нашего цеха, которое он выразил в местных идиоматических выражениях. Нам было предложено направить свои усилия не на споры с руководством, а на аспекты улучшения эксплуатации существующего оборудования (правильнее сказать «текущего»; вот точно — изо всех дыр и трещин текущего). И что именно на нас особо возлагается ответственная задача по обеспечению обязательств цеха реальными делами. То есть если не обеспечим — отвечать будем мы.

— Всем все ясно? Тогда никого больше не задерживаю! — подвел жирную черту под обсужденными вопросами наш «любимый» руководитель.

Выйдя на ступеньки центрального административного корпуса, мы с напарником остановились. Ледяной ноябрьский ветер резанул по лицу. Мимо прохо-

дили остальные участники совещания. Наши «соседи» по промплощадке тоже остановились.

Начальник соседнего участка Палыч прикурил, прикрывая огонек зажигалки ладонью. Володя, его технолог, отвернулся от резкого порыва ветра, несущего мокрый снег, и накинул капюшон куртки.

Всегда «любил» ноябрь: темень, холод... Если дождь — то ледяной, если снег — то мокрый. Хотя, как говорят «англичанцы», нет плохой погоды — есть плохая одежда.

Палыч с наслаждением пару раз затянулся. Ему, заядлому куряке, было тяжело совещаться — оперативиться почти три часа.

— Ну что, на проходную?

На ступенях, собственно, остались только мы и наши «соседи». Плафоны на козырьке вестибюля едва пробивали сырой сумрак. В самом главном корпусе дежурный уже вырубил основное освещение. Володя качнул головой в капюшоне на дорожку, ведущую к центральной проходной, потом вопросительно глянул на нас.

— Не, вы не ждите, мы тут пока постоим. А то еще нарвешься на охрану... Потом объяснительные придется «рисовать» о курении в непопозволенном месте... Вы давайте, мужики; счастливо...

Соседи сочувственно покивали и двинулись в темноту дорожки к проходной. М-дя, нам с напарником можно было только посочувствовать. В основном матерщина руководства (читать — «конструктивная критика отдельных недостатков») сегодня была посвящена нашему подразделению. Наши попытки оправдаться имели прямо противоположный эффект — «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»

Василич, начальник моего участка и по совместительству напарник в заводской упряжке, затянулся, прищурившись от дыма. Привычным жестом протянул мне пачку. Я привычно отрицательно покачал головой. Предмет моей личной гордости — уже седьмой месяц как не курю. Вот просто так взял и перестал. Ну ладно, не просто так. Матушка и моя Красотуля открыли совместный фронт борьбы с курением. Воевали со мной почти три года, пока дочка не высадила у меня в тылу десант и не заявила, что ей тоже не нравится, что запах плохой и что это вредно для здоровья. Пришлось подписывать акт о безоговорочной капитуляции.

Василич задумчиво курил в кулак... Настроение «веселое», близкое к «радостному». Черт бы побрал всех этих начальничков, выбившихся в руководство удачной женитьбой на дочках еще более высоких «топов». Вот ведь парадокс — сынки больших «боссов», как правило, народец так себе: ни рыба ни мясо. Сидят в отделах, пасьянсы на компьютерах раскладывают. А вот зятя! Эти-то по головам пройдут и всем глотку перегрызут за вождеденное начальственное кресло.

— Ну по домам, что ли? — хрипловато спросил Василич. Он еще не залечил полностью простуду, подхваченную в октябре. — Вечерники и ночники отработают без нас. На выходных я сам ребят контролирую по телефону. А вот в понедельник придем и будем ломать голову, что делать дальше...

Мы уже неспешно шагали по дорожке в направлении центральной проходной. Ветер сбавил обороты, и мокрый снег перестал хлестать. Он просто шмякался на асфальт под ноги. Редкие фонари образовывали островки света. Из-за этого казалось, что окружа-

ющий сумрак стал только более насыщенным. Точнее, намокшим.

— Тебя подбросить? — предложил Василич.

— Да не, я на своей «шахе». {Автомобиль ВАЗ-2106, он же «шестерочка»; имеет еще одно прозвище — «шаха».}

— Чего это ты сегодня? Обычно ж пешком бегаешь.

— Лизку после гимнастики должны были мои родители забрать. Я с ними договорился — как знал, что наш лиходея сегодня снова задержит. Вот надо «ребенку» отвезти домой и потом еще по магазинам пробежаться. Потому я сегодня свои «колеса» взял.

Холл заводской проходной встретил ярким светом, теплом, медитирующими «ВОХРухами» и уборщицей. Неодобрительный взгляд на наши мокрые следы. В пропускных кабинках у нас профессионально небрежно проверили пропуска, и решив, что мы достойны свободы и отдыха, выпустили на улицу.

Василич буркнул на прощание:

— Ну, бывай... — И остановился под навесом главного входа проходной, чтобы еще раз закурить. Что же, портить здоровье никотином — это сознательная прерогатива взрослого мужика. Вредная мыслишка с издевкой вякнула из глубины сознания: «Ага, а само давно ли бросил? Если бы не твои девушки, сейчас тоже мог травиться табачищем...»

Стоянка у завода была уже почти пустой. Остались только машины вечерников, да таких, как мы с Василичем. Идти пришлось почти через всю мокрую и темную площадь. С утра места оставались только при въезде. Там сейчас меня и дожидается моя «шестерочка».

Черт возьми!.. Картина радости бытия дополнилась свежими ощущениями холода и сырости, — я, конечно же, промок. Ботинки решили, что все равно скоро конец сезону, их функция завершена и поэтому не стоит упираться и держать снаружи грязное месиво, покрывающее асфальт площади. Ну почему мне сегодня так везет? За какие прегрешения?..

Та-а-ак! Ну-ка, тряпка, соберись! Теперь выжмись! Встряхнись! И на веревку — сушиться!

Как там нас учил тренер... Глубокий медленный вдох. Как будто пьешь воздух. Еще глубже! Резкий выдох! Еще разок.

Во. Начало отпускатъ... Все в норме. А кому сейчас легко?

Брелок автомобильной сигнализации нашелся в кармане куртки. «Шестерочка» приветливо пискнула пару раз и впустила на водительское кресло. Ну, конечно, не тепло, но, по крайней мере, и не так сыро и ветрено, как снаружи. Теперь бы попасть ключом в замок зажигания. Ни фи́га не видно... А ведь кто-то недавно разорился на крошечный карманный фонарик — светодиодный, металлический, неубиваемый (как было написано). Иди-ка сюда, дружок, — есть тут для тебя работа. С фонариком дело быстро пошло на лад. Машинка фыркнула пару раз и довольно заурчала. Ну да, ну не иномарка, ну старенькая. Так ведь возит же, много не требует. Под окошками ночует, на проходной дожидается. Все равно на новую машину денег нет и не предвидится.

Хорошо переобуться на зимнюю резину успел, а то погода скоро совсем «за минус» уйдет. Ну вот, чуток погрелись — можно отчаливать и проститься с любимым заводом на целых 52 часа.

Неспешный плавный набор скорости. Набрал 60 км/ч, положенные Правилами дорожного движения. Все равно гнать по мокрой скользкой дороге быстрее было нежелательно. Фонари освещения на трассе до жилой зоны тоже горят через один — может, экономят в ГорЭнерго, а может, от сырости контакты светильников перегорели...

Запела гарнитура мобильного. Зазвучала мелодия, которая была заведена на звонки матушки. Все же приятно, когда в этом темном, холодном и слякотном мире про тебя помнят, тебя где-то ждут и беспокоятся.

— Слушаю, да-да. Я уже еду...

— Да ты не спеши. Мы уже поужинали. Лизонька с дедом мультики смотрят.

— Хорошо. Mam, я еще тогда в магазин заскочу, а потом к вам. Купить что-нибудь вкусенького к чаю?

— У нас все есть, а на выходных мы сами и так по магазинам собираемся. Может, Лизоньку оставите у нас ночевать? А то, что вы будете ночью мотаться... Завтра вместе с Машенькой и приедете за ней.

Немножко помолчал, оценивая предложение. Пока доеду, пока дочка соберется... Опять же в магазин хотел забежать. А еще ведь придется отвечать на вопрос родителей «как дела на работе...». Поеду я лучше домой.

— Угу, хорошо. Ладушки. Мы тогда завтра приедем. Ну, до встречи.

Отбой. «Бип» гарнитуры. Любит бабушка нашу дочку, свою маленькую копию (правда-правда, могу даже для сравнения фото показать).

Значит, у меня есть еще почти час форы по времени. Можно встретить свою Красотулю после ее курсов повышения квалификации. Надо бы позвонить —

предупредить. Рука привычно полезла во внутренний карман. Нет, не буду. Не люблю звонить на ходу — неввирует меня это дело да и от вождения отвлекает. Лучше позвоню от магазина. Телефон так и остался лежать во внутреннем кармане куртки.

Пробежался взглядом по зеркалам — никто не поджидает, никого сзади нет. Погода не благоприятствует вечерним поездкам. Только таксеры гоняют — денежку пытаются зарабатывать, «подметая улицы».

Снова пошел дождь со снегом — очередной заряд. Включил «дворники». Вдали слякотную хмарь пробивали лучи фар ближнего света и мигающая аварийная сигнализация. Какой-то дальнобойщик остановился на встречной обочине. Вроде никого больше не видно.

Мне осталось еще метров триста, а потом два перекрестка и поворот. Зайду в магазин... «Ребенки» не будет, и мы можем чуток расслабиться. Давно что-то мы себя не баловали. Вот и прихвачу в магазине бутылочку вина. Французского или итальянского. Не-э-э, лучше крымского. И моей Красотуле больше нравится. Вспомним прошлогодний отпуск... Наши фотографии на слайд-шоу посмотрим. Севастополь, Ялта и Алушта. В каждом городе провели по неделе. Это, наверное, был самый удачный и беззаботный отдых нашего маленького семейства.

Фура на обочине сонно мигает аварийкой. Уже совсем близко...

И вдруг резкий свет в глаза!

На встречный автомобиль, вынырнувший из-за дальнобойщика, успел отреагировать резким поворотом вправо, но было уже поздно.

Удар! Нас с «шахой» подбросило, развернуло в воздухе. Грудью вошел в баранку, потом головой — в бо-

ковое стекло. Грохот приземления. Еще разворот, «шестерочка» крутанулась на двух колесах, слегка задумалась — переворачиваться или нет — и, хрумкнув на прощание подвеской, встала ровно.

Темнота.

Черт, как же больно-то!

Как в мясорубке побывал. Правая рука вроде шевелится. Ноги! Черт, видел же краш-тесты «классики» — ноги водили всегда в зоне поражения. Блин, придавило, что ли... Течет по роже. Нос... башку расшиб. Хорошо еще, зимнюю шапку надел, то бы совсем хана. Что же так мокро? Кровь... Ну все — кранты куртке... Только месяц покрасовался! Ну что за ЁКЛМН! ...и Красотуля расстроится... Черт! Больно же! Да я же ща взвою! И не видно ни хрена... Там мужики в фуре должны быть... Подмогнут. Ну хотя бы позвонят куда надо. Если сумею встать на ноги, этому дебилу, что на встречу выскочил, башку сверну! Ему что, права в нагрузку к машине подарили?!

Уплываю... Нокдаун. Держать удар! Это еще не аут! Реальность косым кругом пошла влево. Держаться — рефери еще счет не открывал. Ща-ща... Ремень, дверь... Сейчас я попробую выползти... Боец, впереди еще два раунда! Закусить капу, поднять перчатки, держаться!

Голоса, грохот снаружи! Ну наконец-то! Чуть не сдох, пока дождался!

— Мужики! — хочу крикнуть, а изо рта свистяще вырывается — м-м-х-х-о-о...

Т-фу, — сплюнуть кровью. Надо дать им сигнал, что еще живой, а то, пока будут ждать спасателей, я три раза «коньки откину»... Правая рука вроде работает — стукнуть в крышу. О, получилось... Ну-ка, еще разок...

Ничего не вижу — темень. И боль жует меня все сильнее и сильнее. Планета из левого виража решила пойти в правый. Ну что, здравствуй, сотрясение мозга!

Голоса. Слабо, на пределе слышимости.

— ...живой.

— Да, блин, живой же, конечно! Еще... Пока... А если вы будете телиться, могу и перестать быть таковым!

— ...фонарь...

— Натe! Вот же мой неубиваемый фонарик. Блин, да где же он тут... И вообще, на фиг он вам нужен?

Воздух... Резкий, мокрый, холодный.

— А-а-хх-а! Мгх-а-а-хх-у! — это типа у меня получилось выразить радость, что до меня добрались.

Голоса стал слышать лучше, но все равно как через стену.

— Режь ремни!

— Очки убери — стекла разбиты. — Когда я успел очки надеть?! Они же в бардачке так и остались. С моими -0,5 я их надеваю только в дальнюю дорогу. Или для пижонства — чтобы интеллигентность подчеркнуть.

Что-то белое мелькнуло перед лицом в темноте. Бинт? Что, «Скорая» уже успела?

— Шлем, осторожнее! Снимаем...

Шапку с меня стащили вверх (тарелка Земли, та, что стоит на трех слонах и трех китах, устроила килевую качку — надо потом нерадивому зверью объявить выговор). Башку мне бережно отклонили на подголовник. Что-то белое снова перед глазами. Марля, что ли? Крепкие руки грубовато подхватили и потащили вверх. За шкуру в том числе. Что? Дверь заклинило и пришлось крышу срезать? Ну все — прощай, моя верная машинка...

Ноги! Блин, да больно же! Осторожнее! А получилось что-то всхлипнуть — взрыгнуть:

— Но-о-xxx... Агрх-х-х...

Все, аут. Занавес! Если рефери все-таки и открыл счет, то я его уже не слышал. Эту схватку я продул «за явным преимуществом»...

Вш-ш-и-и-х. О, картинка вернулась! Так, видеокарта в башке накрылась только частично, и ее еще можно «вытащить» профилактикой. Или все же следует заменить на новую. Потому что снова ни фига не видно. А вот мокрую пакость, что падает с неба, ощущаю и весьма ясно. Аммиачок... Любимый запах. Я что, в родном производственном корпусе?!

Нет. Темень. Лежу на спине. Загораю. Так можно было бы сказать, если отбросить обстоятельства, что на улице ноябрь и полное отсутствие солнца. По рожице стекает то, что падало с неба в виде дождя со снегом. Похоже, что обосновался на носилках. Носилки вроде как на поверхности планеты. О, снова начались качели-карусели. Еще болят правая нога и левый бок. Левую ногу вообще не чувствую...

— Мужики, я сейчас встану, только помогите. — Снова хотел сказать, и снова не получилось. Я что, так здорово долбанулся и теперь до пенсии буду Герасима из «Муму» изображать?!

Рядом кто-то бежит, суетится, командует. Правда, все воспринимается как телевизор с приглушенным звуком, когда ты сидишь к нему спиной или боком.

Ближе к себе слышу:

— Взяли! Давай!..

Меня куда-то резко вскинули вверх.

— Принимай. Осторожнее! Опускай, ставь...

Не въехал — а где, собственно, верх у этой санитарной «газели»? Надо мной чернело мрачное ноябрьское небо и скупо цедило мне в лицо что-то мокрое и холодное. Поверхность подо мной слегка вибрировала.

Что-то хлопнуло. Кто-то над головой довольно заботливо прошумел:

— Давай, поехали, только осторожнее.

Пол подо мной рыкнул и начал качаться и подпрыгивать. Через некоторое время амплитуда качелей в башке и того чудо-транспорта, на котором меня перемещали, вошли в унисон и начали меня убаюкивать. Все. Я снова сдался. Уплываю...

Что-то звякнуло. Потом брякнуло. Где-то близко кто-то ходил и что-то делал. Сопровождая свои действия недовольным бурчанием. Глаза нехотя открылись. Несколько медленнее, чем бы мне хотелось. Так, фокусировка, наводка резкости... Да здравствует дневное освещение. Ночь, видимо, прошла в отключке. Ну и где это мы обустроились? По виду похоже на больницу. Это хорошо. Фу, ну и запахок. Хлорка-карболка. Вот почему в платных медцентрах нет этого характерного запаха? Руки... Двигаются и шевелятся. Нормально. Так, поднесем их к своим видеодетекторам. О! Целые! Правда, все почему-то поцарапанные, как будто кошку мыл, грязные и с «трауром» под ногтями. Минуточку, а где мой любимый шрам на запястье — память о неудачном ремонте форточки на кухне. Ох, — это отозвался левый бок. А вот тут не все хорошо — бочину резануло прилично. Палата изобразила повороты вправо-влево и легкое покачивание. Ага, головой приложился прилично. Правая рука подтвердила это,